

торическая антропология в условиях кризиса метарассказа // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002.

12. См.: Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (Часть 2) // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 15.

13. Селунская Н.Б. Указ. соч. С. 35-36.

14. Иванов В.В. Методология исторической науки. М., 1985. С. 97; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 39; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 58; Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. С. 39.

Зубков К.И.
(Екатеринбург)

**Категория «исторический опыт»:
эволюция методологических подходов**

В настоящее время, несмотря на существенное углубление представлений о природе исторического познания, в применении к нему столь часто используемая историками категория «исторический опыт» является явно недостаточно разработанной в теоретико-методологическом плане – особенно в аспекте соотнесения онтологического статуса этого понятия с содержанием и динамикой исторического развития. Между тем, актуальность этой методологической проблемы объективно возрастает ввиду острой общественной потребности в корректном использовании исторического опыта – прежде всего, основанных на нем алгоритмов экспертизы, анализа и прогнозирования – в современной социальной практике.

Категория «опыт», достаточно полно разработанная в общефилософском плане, в применении к исторической онтологии и историческому познанию пока что характеризуется недостаточно глубоким теоретическим осмыслением, слабой методологической сопряженностью разнообразных ее трактовок и ракурсов изучения. Между тем, постановка задач извлечения социального опыта из прошлого развития человечества со времен античности характеризует одну из важнейших функций исторической науки и основанную на ней влиятельную традицию историописания – *прагматическую* (Фукидид, Полибий). Прагматически-ориентированная систематизация исторических знаний позднее определила творчество виднейших историков эпохи Ренессанса (Н. Макиавелли, Ж. Боден), у которых категория «опыт» уже приобретает значение не только функции исторической науки, но и определяющего ход истории механизма социального действия.

В эпоху Нового времени, как отражение философского спора между эмпиризмом и рационализмом, определились два основных подхода к трак-

товке категории «опыт» в ее естественно-научной и социально-исторической проекциях: *эмпирико-материалистический* и *рационалистический*. Французский материализм XVIII в., трактуя опыт как непосредственно-чувственное отражение отношений объективного мира и как важнейший источник познания, уже приходит к его пониманию как движущей силы истории, но, прежде всего, в аспекте интеллектуального научения «примерами», осуществляемого на индивидуально-личностном уровне. В русле этой традиции опыт связывается с возможностью сознательного повторения (позитивный опыт) или избегания повторения (негативный опыт) социальных ситуаций прошлого, получает истолкование как *процедура сравнения* исторических ситуаций в «вертикальной» (диахронной) и «горизонтальной» (синхронной) проекциях. Трактуя опыт в категориях *достоверного* знания о прошлом, французские материалисты стремились установить для него внешние границы и критерии верификации (в категориях «возможного» и «невозможного», определяемого на базе естественнонаучных подходов и понимаемого метафизически). Ограниченность такого понимания категории «опыт» проявила себя в метафизичности, наивном натурализме, неспособности осмыслить опыт как широко понимаемую общественно-историческую практику, недостаточной теоретической проработанности его содержания и отсюда его истолковании преимущественно в категориях «здравого смысла».

Это в существенной степени повлияло на негативистскую трактовку опыта представителями *идеалистического рационализма* как неясного, смутного, ущербного знания, ведущего к заблуждениям и по этому основанию противопоставляемого базирующему на строгой логике, «выводному» теоретическому знанию (Р. Декарт, Г.В. Лейбниц). Эта интеллектуально-философская традиция в дальнейшем решающим образом повлияла на исключение категории «опыт» из идеалистических теорий исторического процесса, а также из проблематики исторической эпистемологии. В гегелевской философии истории опыт рассматривался как дискретный, объективированный *результат* саморазвития «мирового духа», или *явление*, но противопоставлялся при этом исторической необходимости как *цели* и *сущности* исторического развития. (В аналогичном виде опыт позиционировался и в гегелевской схеме познания). Гегелевский историзм трактует опыт как завершенный в самом себе и потому «несвободный» результат исторического развития, имеющий ограниченную соотнесенность как с постоянно изменяющимися условиями и обстоятельствами социального действия, так и со «свободой» настоящего.

Марксистский исторический материализм отчасти восстановил онтологическое и познавательное значение категории «опыт», связав объективное содержание опыта с процессом познания и практического освоения действительности человеком. В данном контексте категория «опыт» отождествлялась с широко понимаемой *общественно-исторической практикой* и в

этом качестве преобразовывалась в категорию «исторический опыт». Через категорию «деятельность» опыт впервые вводился в представление о механизме исторического развития как момент последнего, связанный с *наследованием* и *преемственностью* социально-исторической деятельности.

Классический (социологический) позитивизм и исторический материализм связали категорию «опыт» с представлением о *закономерности* исторического процесса, которая трактуется как момент диахронной и синхронной *повторяемости* исторических ситуаций и алгоритмов социальной деятельности на уровне самой *сущности* исторического процесса. Тем самым было преодолено абсолютное противопоставление исторического опыта и индивидуализирующей логики исторического процесса. Последовавшее за этим жесткое разделение исторических школ и направлений на сторонников *нотетического* (признающего закономерности) и *идиографического* (индивидуализирующего) подходов к истории и историческому исследованию, их взаимная критика, в конечном счете, способствовало тому, что трактовка закономерности как существенного свойства исторического процесса приобрела более гибкое, пластичное воплощение, основанное на признании «открытости» (гегелевская «свобода»!) исторических ситуаций и «возмущающего» воздействия на них уникальных, неповторимых исторических условий и обстоятельств, *модифицирующих* конкретные проявления исторических закономерностей. Как продолжение этого вектора осмысления, в XX веке обнаруживается, по крайней мере, две очевидные тенденции: с одной стороны, в русле веберовской социологии целиком переводить проблему закономерности исторического процесса в плоскость гносеологии, трактовать ее лишь как организующую историческое исследование субъективную конструкцию историка; с другой, обращаться к различным моделям анализа *циклических проявлений* исторической закономерности. Последняя тенденция в значительной степени сближала историю с социологией в части исследования механизмов функционирования обществ как систем и тем самым обеспечивала изучению исторического опыта дополнительные основания. Однако, в целом в современной исторической науке противостояние между сторонниками идеи закономерности истории и приверженцами идиографизма далеко не преодолено, и есть основания считать, что этому могла бы способствовать более глубокая разработка теоретического содержания категории «исторический опыт» и основанных на ней методологических подходов к изучению истории.

XX век, богатый на методологические новации в области исторической науки, обнаружил несколько характерных тенденций в осмыслении и интерпретации категории «исторический опыт». В области исторической эпистемологии опыт как «ориентационная» составляющая мышления историка был использован для разработки универсальных теорий исторического описания (теория «охватывающего закона» К. Гемпеля) и исторического

объяснения (теория «воспроизведения опыта» Р.Дж. Коллингвуда, теория «рационалистического» объяснения У. Дрея), которые, однако, не получили однозначного признания в профессиональной среде.

Категория «исторический опыт» заняла заметное место в представлениях об онтологии исторического процесса и в исторической методологии в связи с разработкой *структурного метода* исторического исследования и с зарождением основанной на его применении, *проблемной* по своей направленности «новой исторической науки». Идея устойчивости и относительного постоянства *структурных измерений* социально-исторической реальности, нашедшая свое отражение в творчестве школы «Анналов» (М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и др.), в существенной степени подкрепила релевантность применения «опытной» парадигмы в изучении истории. Более того, изучение исторического опыта в этом контексте получило совершенно новое методологическое измерение как *проблемное* «вопросание» прошлого, призванное прояснить содержание и смысл настоящего. Проблемный модус исторического познания предполагает, что опыт истории не может восприниматься как застывший, неизменный «слепок» ситуаций и событий прошлого. Исторические *ситуации, события, факты* и иные дискретные «единицы», из которых составлено наше видение опыта прошлого, являются, по существу, результатом абстрагирующих процедур сознания историка, исследующего исторический *континуум*, и в этом качестве могут подвергаться аналитической «деконструкции» и «реконструкции» в соответствии с *проблемной направленностью* этого исследования. Это, по существу, означает, что категория «исторический опыт», формируя специфические проблемные ретроспекции, в такой же степени воплощает в себе содержание социальной практики прошлого, в какой и определяется практическими запросами настоящего.

Возрождение исторического нарратива, которое пришло в 1980-е гг. на смену увлечению историков структурным методом исследования, в существенной степени удерживает в себе достижения последнего и представляет собой многовариантное поле связанных с извлечением исторического опыта проблемных ретроспекций, значительно обогащающих традиционное историческое описание и сообщающее ему большую аналитическую глубину (например, «ретроспективный» нарратив, представленный работами Н. Дэвиса). «Новая историческая наука» дала значительный импульс появлению современных исследовательских направлений, сформированных под влиянием идей постмодернизма и постструктурализма и объединяемых под общей характеристикой «экспериментальной истории» («реконструктивная» история, количественная история, акцидентальная история, «контрфактическая» история, исторический пессимизм и др.). В них в том или ином виде с помощью логически сконструированных, формализованных моделей прошлого исследуется *дополнительно*, за рамками прямых сообщений источни-

ков, с целью извлечения имплицитной исторической информации, характеризующей те стороны и фрагменты исторической реальности, которые принципиально важны для *опытной «реконструкции»* исторического знания.

В отечественной исторической науке теоретико-методологические проблемы изучения исторического опыта в силу многих причин не получили такого детального и всестороннего освещения и анализа, как за рубежом. Можно выделить лишь отдельные исследовательские направления и школы, которыми данные проблемы затрагивались применительно к специальным задачам исторического исследования. Б.Г. Могильницким и томской школой методологии истории были предприняты исследования по исторической эпистемологии, в которых проблемы изучения исторического опыта находили отражение в общем постановочном виде в связи с анализом специфики исторического познания, принципа историзма и закономерности исторического процесса, социальных функций исторической науки. Академиком И.Д. Ковальченко и его учениками разрабатывались новые методологические подходы к исследованию исторических источников, основанные на применении информационной теории, в частности, квантитативные и моделирующие. В работах академика В.В.Алексеева изучение исторического опыта впервые сформулировано в качестве самостоятельной научной проблемы, предложено его определение в категориях исторической методологии, определены основные подходы к его изучению и их функциональные приложения. На основе его методологических подходов были разработаны исследовательские программы по изучению исторического опыта регионального развития России.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что отечественной исторической наукой в обращении к теоретико-методологическому анализу категории «исторический опыт», разработке на этой основе как общетеоретических подходов к изучению истории, так и объяснительных теорий «среднего» уровня, эмпирической верификации предлагаемых в этом русле новых концептуальных проекций и методов исторического исследования допущено серьезное отставание от западных ученых-историков. Современное состояние исследований по проблеме, характеризующееся как множественностью предлагаемых теоретико-методологических проекций, так и значительными трудностями их сопряжения и интеграции в едином концептуальном поле, определяет необходимость их основательной методологической рефлексии, дальнейшей разработки на этой основе обновленного, фундаментального теоретико-методологического взгляда на проблему исторического опыта, на перспективы его применения в конкретных исторических исследованиях и в социальной практике.